

УИНСТОН ЧЕРЧИЛЛЬ

Премьер-министр Великобритании

2316 бр

ОБЗОР ВОЕННЫХ СОБЫТИЙ

*Речь в палате общин
2 августа 1944 года*

59

Цена 30 коп.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00300337

0

4
9(4), 1941...

2/ 32B61

1185
1945 г. 10.10.45
Особый фонд

Мне предстоит сегодня сделать Палате в общем благоприятный доклад. На всех фронтах, по всему земному шару войска Германии и Японии откатываются назад, они откатываются перед вооруженными силами многих наций, которые в различных сочетаниях образуют великий союз. Как в воздухе, так и на море и под водой систематически усиливается наше твердо установившееся превосходство.

Потери, причиняемые германскими подводными лодками с начала 1944 года, являются почти ничтожными по сравнению с предыдущими годами. Крупные флоты союзников плавали по морям и океанам с января по июнь, понеся менее чем половину тех потерь, которые мы нанесли сокращающимся и в значительной степени скованным морским ресурсам противника как на востоке, так и на западе.

Однако всегда возможно повторение подобного рода нападений. Идут разговоры о том, что немцы пытаются ускорить производство подводных лодок. Разговоров много, но не следует ими пренебрегать.

Возможно, что немцам удастся получить некоторое сравнительное преимущество в воздухе. Поэтому мы должны стараться ни в коем случае не ослаблять ни наших предосторожностей, ни наших усилий к тому, чтобы бросить наши силы в новых направлениях.

Естественно, что мы постараемся это сделать в возрастающих размерах лишь только опасность будет устранена и появятся новые к тому возможности. Мы должны оставаться все такими же осторожными и предвидеть самые неожиданные и необычайные происшествия в будущем.

В настоящий момент во всем мире нет театра, где не определилось бы господство союзников. В январе 1942 года в Вашингтоне было решено, что Германия является главным врагом и что только минимум сил, необходимых для обеспечения жизненных интересов, должен быть отвлечен для операций против Японии.

Однако объединенные ресурсы Англии и Америки возросли настолько быстро, что стало возможным вести одновременно две войны с наступательным порывом.

В Тихом океане действует огромная американская армада, снабженная в широких размерах воздушными силами и всем необходимым оборудованием для ведения войны в море с помощью амфибий; армада, вооруженная по последнему слову науки и сражающаяся как на море, так

чи на суше под умелым командованием адмирала Нимитц и генерала Макартура, который руководит не только американскими, но и столь же могущественными австралийскими и новозеландскими силами.

Мы добились важного и значительного успеха. После того как были заняты Маршалские острова и Сайпан, мы стали господствовать на Новой Гвинее.

Флот и другие силы Соединенных Штатов уже проникли через далеко растянутые внешние линии обороны Японии, а в некоторых местах прорвались к внутренним оборонительным линиям, открывая таким образом для нас перспективы значительно более быстрого достижения кульминации войны на Дальнем Востоке.

Многотысячные толпы японцев оставлены на произвол судьбы и умирают от голода на островах и в джунглях. Они могут ожидать помощи только от подводных лодок, которые специально отвлекаются для этого от их обычной боевой работы.

Эти события и чувство растущей слабости на море и в воздухе, чувство того, что воздушные силы разбрасываются, а также экономические трудности внутри страны вызвали в Японии падение главного военного руководителя Тодзио, чей соучастник и ближайший коллега адмирал Ямамото когда-то объявил, что он продиктует Соединенным Штатам условия мира в Вашингтоне.

Нам не легко учесть характер и размер сил, которые породили в Японии такое необычайное милитаристское заявление, но едва ли японцы верили, что программа адмирала Ямамото может быть осуществлена в том объеме, как он и адмирал Тодзио полагали.

Должен повторить, что со все более возрастающим удовлетворением я убеждаюсь в том, что промежуток между поражением Гитлера и поражением Японии будет короче, чем я ранее предполагал.

* * *

Обратимся теперь от этих отдаленных фронтов войны ближе к дому, а именно к индийскому театру войны. Не прекращающиеся ни на минуту бои в Бирме не дают возможности проследить во всех деталях военные действия, которые ведутся в сложных природных условиях этой страны.

Вообще говоря, на конференции в Квебеке прошлой осенью мы ставили себе задачу продвинуться в Северную Бирму, чтобы обеспечить большую безопасность колоссальной американской воздушной магистрали, ведущей в Китай.

По американским трассам идет сейчас значительно больше грузов, чем перевозилось когда-либо прежде по старым Бирманским трассам, и Парламент может себе представить, какие огромные усилия должны были предпринять Соединенные Штаты и насколько это было жизненно необходимо для Китая.

После Квебека мы возлагали большие надежды на нового Верховного Главнокомандующего — адмирала Маунтбэттена и его великолепного заместителя генерал-майора Уингейта, которому, увы, суждено было выполнить последний долг солдата. Это был гениальный человек и он мог войти в историю. Он погиб, но дух его живет в наших боевых действиях, в этих далеко проникающих боевых группах, в этих запутанных и смелых военных операциях, основанных на воздушном транспорте и поддержке с воздуха.

Это продвижение было решено в Квебеке, и оно втянуло более четверти миллиона войск метрополии и империи и еще большее количество людей, занятых на обширных и тщательно оберегаемых путях сообщения, тянувшихся далеко в глубь Индии.

Это движение столкнулось на своих ранних стадиях с встречным движением со стороны Японии, стремившейся вторгнуться в Индию и перерезать американские воздушные линии. Эти две противоположные силы пришли в столкновение на многих пунктах фронта протяжением в 1900 километров начиная с первой половины февраля. И с тех пор эти силы вступали в многочисленные сражения, в результате которых японцы были отброшены во всех направлениях.

В это же самое время в Северной Бирме под блестящим руководством генерала Стилвелла были заняты важные центры. Это было сделано при участии китайских войск и неопенимой помощи британских боевых групп, действовавших глубоко в тылу врага.

Страна должна принести свою признательность 14-й британской армии, которая выполнила труднейшую в этой войне задачу и которая не должна быть забыта, какие бы яростные и решительные действия на предстояли нам на ближайших фронтах.

Но кроме 14-й армии есть еще многие, которых мы не должны забыть. Когда мы думаем о наших боевых силах, мы, естественно, подразумеваем тех, кто сражается на главных фронтах. Но было бы несправедливо не вспомнить людей, которые преданно служат нашим целям в очень отдаленных от нас гарнизонах, разбросанных по всему земному шару, постоянная и незаметная работа которых не часто попадает на столбцы газет, людей, которые не испытывают вдохновения боя, людей, которые уже четыре или пять лет не видели своих семей. Они далеко от нас, но их работа является существенной частью наших побед, и они навсегда останутся в наших сердцах.

Возвращаясь вновь к положению в Бирме, надо сказать, что адмирал Маунтбаттен и его офицеры провели успешную и мощную кампанию в трудных условиях джунглей и болот.

Повсюду японцы были отброшены назад и понесли значительно большие потери, чем мы. Индия была успешно защищена от вторжения в течение еще одного года; воздушный путь в Китай укреплен и сохранен, и опасность еще дальше отброшена от этих важных баз. Надо еще добавить к этому, что адмирал Сомервилль, являющийся в настоящее время главой могущественного британского восточного флота, включающего французские и голландские боевые единицы, захватил инициативу в атаках против Сабанга, Сурабайя и прочих японских пунктов в Восточной части Голландской Индии. Наш флот в восточных водах будет значительно усилен к концу этого года.

Как бы то ни было, остается фактом, что японский флот начинает во всем уступать флоту Соединенных Штатов, который уже сейчас вдвое превышает флот этой самонадеянно горделивой и предательской восточной державы.

Я считаю, что поступаю правильно, занимая внимание Парламента событиями в Бирме. Наши люди, сражающиеся там, будут глубоко обрadowаны тем, что Палата Общин внимательно следит за их судьбой.

Теперь я перехожу к событиям значительно более широкого масштаба. Потребовался бы целый том для того, чтобы описать историю перехода Ла Манша и высадки освободительных армий во Франции. Я располагаю всего лишь немногими минутами и поэтому вынужден, поскольку это возможно, пользоваться выборочным методом.

В апреле 1943 года генерал британской армии Морган стал главой англо-американского штаба планирования, рассматривавшего весь этот проект по решению руководителей штабов. Они составили план, который я взял с собой в Квебек в прошлом году, где мы его обсуждали с Президентом Рузвельтом совместно с начальниками английского и американского штабов. По этому плану мы наметили пункты побережья для атаки. В плане были намечены схемы операций и огромное количество деталей для их выполнения. План получил полнейшее и безоговорочное одобрение.

Крайне замечательно то обстоятельство, что военная тайна, которая должна была быть доверена сначала единицам, затем сотням и, наконец, тысячам людей, нигде ни разу не просочилась наружу ни в маленьких пределах нашего острова, ни на широких пространствах Соединенных Штатов.

В Тегеране мы обещали Маршалу Сталину, что будем проводить в жизнь этот план или нечто ему подобное в конце мая или в начале июня, а он со своей стороны обещал нам, что все русские армии будут брошены, как они и были действительно брошены, в генеральное сражение на востоке.

В январе этого года были назначены главнокомандующие. На Средиземном море руководство операциями было поручено британскому генералу Вильсону, а генералу Эйзенхауэру было поручено командование экспедиционными силами, сосредоточенными в Англии.

Никогда еще ни один человек не работал так умело и так целеустремленно для объединения и доброго согласия огромных сил, собранных под его началом, как генерал Эйзенхауэр. Он поистине гениален в своих способностях объединять союзников и в одинаковой мере гордится тем, что он может рассматривать себя как наш союзник и как командующий войсками Соединенных Штатов Америки.

Парламенту и всей стране уже хорошо известны имена всех наших выдающихся командиров. Генерал Эйзенхауэр немедленно назначил генерала Монгомери командующим англо-американскими армиями вторжения.

* * *

Большее года, на наш остров непрерывно перебрасывались американское вооружение, продовольствие и войска. Мы сами создавали здесь экспедиционные силы из британских армий, причем эти силы в начальных стадиях практически равнялись по величине силам Соединенных Штатов. Огромные пополнения, прибывавшие из Америки, изменяли и продолжают изменять это соотношение, но практически мы остаемся равными во всех наших великих начинаниях.

Обучение этих войск производилось самыми суровыми методами. План предусматривал также последовательные десанты, которые мы намеревались производить в соответствии с главной операцией. Великим событием казалось каждому форсирование Ла Манша с его бурными водами, быстрыми течениями, 18-футовыми приливами и, главное, с его переменчивой погодой, которая в условиях такой огромной операции могла отрезать армию на много дней, и в такой момент никто не мог бы прийти к ней на помощь или вернуть обратно, и, таким образом, ей угрожала бы опасность остаться брошенной на милость во много раз превосходящего врага.

Здесь был элемент риска, потому что погода, как ястреб, нависла над головами самых ярких оптимистов.

Но во всех этих вопросах работа объединенных штабов комбинированных операций, основанных в 1940 году под председательством адмирала Киз для производства десантов и расширенных в 1942 году под командованием адмирала Маунтбэттена, доказала свою ценность.

Всем известно, что я был против того, чтобы предпринимать это великое вторжение через Ла Манш в 1942 году, а впоследствии оно было попросту невозможным, поскольку мы избрали Средиземноморский театр войны и все наши средства для производства высадки были сосредоточены там. Но в данное время мы пришли к общему соглашению, а главнокомандующие приобрели огромный опыт, на который они наложили свой индивидуальный отпечаток.

Я не верю, чтобы это огромное мероприятие могло быть осуществлено раньше. У нас не было ни опыта, ни нужного оборудования.

Но прежде чем мы предприняли наше выступление в 1944 году, мы совершили пять успешных высадок в районах Средиземного моря, а нашими и американскими учеными было сделано огромное количество замечательных изобретений в области новых боевых машин.

Большинство из них было построено в Соединенных Штатах, хотя наши собственные заводы работали также на полную мощь.

Построено более шестидесяти образцов десантных барж и эскортных кораблей, приспособленных не только для высадки армии, но и для доставки всего, в чем нуждается армия.

Я сам, за несколько дней до того, как была осуществлена высадка, видел шесть таких средних десантных барж, которые шли в атаку рядом в одну линию до тех пор, пока не увязли в береговом песке. Они спустили выдвижные мостики, по которым начали выходить машины. В течение пяти минут целая тяжелая батарея была построена в походную колонну вдоль дороги, готовая к почти немедленным действиям. Менее чем в 15 минут эти тяжелые корабли снялись с берега и вернулись в Англию за новым назначением.

Новый свет был пролит на возможность вторжения через Ла Манш, свет, который, как я надеюсь, не померкнет среди нашего народа в те дни, когда мы передадим тяжесть управления другим.

Американцы изобрели замечательные тяжелые грузовики, которые движутся со скоростью от 40 до 50 миль в час по шоссе, затем погружаются в воду и могут плыть несколько миль по морю при сильном волнении, затем выйти на берег с грузом в несколько тонн и направиться туда, где в них ощущается особая необходимость. Обширная система гаваней, волнорезов и пристаней также была разработана, как только удалось закрепиться. Эти сооружения были расположены в соответствующих пунктах, для того чтобы обеспечить наибольшую защищенную водную площадь.

Меньше чем за месяц были созданы гавани, по сравнению с которыми Дувр кажется весьма небольшой гаванью. В этих гаванях была высажена очень крупная армия со всем сложным снаряжением современных армий, которые насчитывают примерно одну машину на каждые 4 или 5 человек, а к концу июня, несмотря на самые страшные июньские штормы, отмеченные за 40 лет, была создана прочная база, которая дает нам уверенность в том, что мы сможем вести величайшую наступательную кампанию против любых сил, которые, согласно нашим расчетам, противник может противопоставить нам.

Эти операции поддерживались и охранялись значительными силами Британского флота, пополненными американским флотом, под общим командованием адмирала Рамсэя.

Несмотря на штормы, несмотря на мины, несмотря на более чем сотню немецких подводных лодок, тщетно ожидавших в Бискайском заливе, несмотря на прочих пиратов непрерывное сообщение было установлено более чем на 100 миль, и генерал Эйзенхауэр и его заместитель генерал Монгомери стоят сейчас во главе очень большой и могущественной армии, вооруженной так, как не была вооружена ни одна армия до сих пор.

Для выполнения подобной операции наравне с морскими силами были, разумеется, совершенно необходимые превосходящие воздушные силы. Стратегическая бомбардировка, проведенная объединенной англо-американской бомбардировочной авиацией, а также использование средних бомбардировщиков и истребителей — все это было важной прелюдией к нашей высадке в Нормандии.

Подготовка к этой битве началась определенным образом уже в апреле, и не только в пунктах, где намечалось нападение, так как это могло бы раскрыть тайну подготовки, но и по всему протяжению береговой линии и в тылу.

Таким образом, когда наши корабли невидимо и без помех пересекали Ла Манш, половина орудий, которые должны были смести их с поверхности воды, были уже разрушены или приведены к молчанию.

А когда начались контратаки на суше и под водой, наши тактические и береговые воздушные силы отбили эти атаки. Пляцдарм на берегу и пространство в воздухе над ним были закреплены. Все это было проделано не без потерь для воздушных сил, среди которых число убитых по отношению к общему числу летного состава значительно превосходит число погибших в других родах войск.

* * *

Если мы будем считать первое апреля началом воздушной битвы, то с этого момента до 30 июня более 7 000 человек из состава авиации метрополии были убиты или пропали без вести. Потери Соединенных Штатов Америки также очень велики.

Изумителен героизм летчиков и всего летного состава обеих стран. С того времени мы не выходим из боя. Генерал Омар Брэдли очищает полуостров Котантен, а генерал Демпсэй занимает территорию вокруг Кана. Мы причинили врагу потери, которые почти в два раза превышают потери, понесенные нами. Это — замечательно, учитывая, что мы являемся нападающей стороной, и это необычно, если сделать сравнение с опытом прошлой войны.

Нам непрерывно мешала весьма несоответствующая сезону погода, которая своими ранними туманами и низкой облачностью изо дня в день заставляла откладывать операции, делая невозможным создание лавины огня и стали, с помощью которой авиация проводит подготовку к атаке. Сейчас, наконец, мы начинаем завоевывать то пространство для развертывания сил, которое необходимо армиям используемых нами раз-
меров.

Я должен сознаться, что последние известия кажутся мне чрезвычайно хорошими. Первая американская армия продвигается вдоль Ат-

лантического побережья и достигла линии реки Селюн. Вполне возможно, что она уже приближается к важному железнодорожному центру Рени, находящемуся примерно на середине пути, который проходит через основание Брестского полуострова. Далее на восток американцы обошли город Вильдьё и заняли Бреси.

Английская атака развивается также весьма хорошо, и англичане продвинулись в центре примерно на 12 миль. Южнее Кана, где действуют канадские войска, мы вчера предприняли атаку, и сейчас там идут тяжелые бои. Мы значительно превосходим врага в людях, в танках и в авиации, и я почти не сомневаюсь в том, что мы приобретем мобильность, как только фронт будет прорван.

Генерал Эйзенхауэр выразил желание рассматривать битву в Нормандии как единую целостную операцию, выполняемую союзными силами в тесном братском единении и всеми способами, какие только окажутся подходящими.

Это не должно помешать Палате Общин выражать свое неограниченное восхищение великолепными и очевидными победами, одержанными американскими войсками под командованием генерала Брэдли, как под Шербуром, так и в южном направлении, где наступление превратилось почти в бег по полуострову. Немцы получили прекрасную возможность, для того чтобы пересмотреть все свои насмешливые и издевательские выражения, которые они отпускали по адресу боевой ценности американской армии, когда они объявили войну этой великой республике.

Но мы, англичане и канадцы, также сыграли свою роль в этой жестокой длительной схватке. Мы выполнили необходимую задачу, которая была предписана нам Верховным Главнокомандующим и подчиненным ему генералом Монгомери.

Если бы генерал Эйзенхауэр как Верховный Главнокомандующий или генерал Монгомери как его заместитель при решении вопроса об использовании английских, американских или канадских войск тем или другим способом, там или здесь, руководились хоть в самой незначительной степени какими-либо другими соображениями кроме чисто военных, это жесточайшим образом препятствовало бы их действиям.

Но для того, чтобы наши враги не говорили в своих радиопередачах о том, что тяжесть борьбы была несправедливо разделена между нами, и не делали всякого рода оскорбляющих сопоставлений, да будет мне позволено сказать, что потери английских и канадских сил, вместе взятые, примерно равны большим потерям Соединенных Штатов Америки, если взять их в пропорции к участвующим силам.

Мы все делили пополам и хорошее и плохое по всему фронту.

Уже то, что нами выполнено, представляет собой великое дело не только в смысле освобождения французской земли от жестокого рабства, но и в смысле объединения узами истинной дружбы великих демократий Запада и говорящих по-английски народов мира.

Это все, что я хотел бы сказать по поводу происходящих операций ныне по ту сторону Ла Манша. Я советую членам Парламента с неослабным вниманием следить за полными и прекрасными отчетами, появляющимися в прессе. Очень часто они будут несколько предвосхищать официальные сообщения, но это не плохо, потому что мы обязаны соблюдать сугубую осторожность по отношению ко всем официальным высказываниям. В нашей печати даются теперь наиболее живые и правдивые описания сражений, происходящих так близко к нашей стране.

Несколько недель назад я обещал перед окончанием сессии сделать сообщение о британских танках. С разрешения Парламента я сделаю это краткое отступление от моей темы, ибо сейчас мне представляется к этому последняя возможность.

Я рассказывал уже Парламенту, как во времена падения Тобрука Президент дал нам первые 350 танков «Шерман», которыми уже снабжалась американская армия и о которых вы уже знали, что они сыграли решающую роль в битве под Эль-Аламейном.

Когда я возвратился в Америку год спустя, я нашел там широко налаженное производство этих танков, которые были когда-то столь дорогими и редкими. Могущество американской промышленности двигалось вперед такими шагами, что Америка получила возможность предложить нам от 3 000 до 4 000 экземпляров этого неоценимого вида оружия. Это дало нам большое преимущество. Мы получили возможность провести дальнейшие перемещения в выполнении нашей танковой программы, сократить масштаб нашей промышленности и освободить таким путем рабочую силу и материальные ресурсы для производства насущно необходимых нам военных машин. Мы также получили возможность развивать со всей необходимой тщательностью производство танков типа «Кромвелль», «Черчилль» и других, не опасаясь больше нехватки танков.

* * *

В руках наших войск танки «Шерман» на всех стадиях борьбы в Италии и Нормандии поддерживали свою репутацию, завоеванную ими в Африке. Конечно, по существу это танк крейсерского типа, подобно «Кромвеллю», являющемуся новейшим образцом английского крейсерского танка. Оба эти типа танков, судя по сообщениям, являются превосходными и безусловно отвечающими целям, для которых они предназначены.

Как известно Парламенту, нам удалось вмонтировать в танк «Шерман» 17-фунтовую пушку. Это была необычайная удача! Многие сотни этих танков в настоящее время уже сражаются в Нормандии или движутся туда непрерывным потоком. Генерал Монгомери писал мне: «В сегодняшнем сражении мы побеждаем немцев в бою, проблема противодействия немецкому оружию нами решена».

В этом отношении британское оружие сыграло замечательную роль. Танки типа «Пантера» и «Тигр» ненадежны в отношении своих моторов и кроме того «Пантеры» очень уязвимы с флангов. Наш 17-фунтовый снаряд проходит прямо сквозь них. При правильных тактических приемах мы можем подавлять их без труда.

Говорят, потребитель всегда прав. Танки типа «Кромвелль», разумеется, обладают превосходной скоростью. Они будут особенно действенны, когда мы перейдем на оперативные просторы.

Что касается танков «Шерман», то я видел недавно своими глазами образцы работы нашей 17-фунтовой пушки. Это было на подступах к Кану. Там расстилается широкая, покрытая волнующимися колосьями равнина, вблизи которой сереют каменные дома деревни.

Генералы Монгомери и Демпси привели меня на это место и предложили мне подсчитать разбитые танки «Пантера», которые были разбросаны там. Я насчитал девять на пространстве в 1 000 ярдов.

Генералы сказали мне, что все эти девять пробиты 17-фунтовой пушкой танка «Шерман», находящегося у стен деревни и управляемого англичанами. Очень трудно было не поддаться большому впечатле-

нию, которое производят на вас такие вещи, когда вы их видите своими глазами.

Разумеется, вы не можете поставить на 30-тонном танке то самое вооружение, которое можно поставить на 60-тонном, но надежность, быстрота и маневренность также имеют большое значение. И когда ко всем этим качествам прибавляется 17-фунтовая пушка, никто не может сказать, что эти легкие танки непригодны для выполнения своих задач. Таково мудрое и далеко заглядывающее вперед использование нашей воинской мощи.

Танки «Черчилль» уже заслужили себе похвалу. Этот танк появился впервые в 1942 году. Он предназначался для боев среди узких проходов, на закрытых пространствах наших островов, и несмотря на всякого рода нападки, несмотря на ряд дефектов, объясняющихся его поспешным проектированием и производством, он вновь занимает свое место в бою, как это уже было в Северном Тунисе в 1942 году. Условия во Франции и в тех частях Италии, где мы сейчас сражаемся, чрезвычайно соответствуют его способностям к маневрированию и крутым подъемам.

Ни один из существующих типов танков не может считаться совершенным. Танки «Тигр» и «Пантера» — это, по существу, оружие защиты, в то время как «Шерман» и «Кромвелль» — средства наступления. Танк «Черчилль» может быть оборонительным или наступательным в зависимости от обстоятельств.

Генерал Оливер Лиз сообщает нам следующее относительно боев, происходящих в Италии.

«Вам должно быть интересно, — говорит он, — узнать об отличных действиях танков «Черчилль», поддерживавших канадские части, когда они в прошлом месяце атаковали и взломали линию Адольфа Гитлера.

«Черчилли» устояли против жестокого огня тяжелых противотанковых орудий. Некоторые танки получили попадания тяжелых снарядов, причем их экипажи не пострадали. Они проходят по самому отвратительному грунту, их 6-фунтовая пушка имеет хорошую пробойную силу, быстро заряжается и наводится на цель».

В недавних боях во Франции это оружие вновь проявило те же свои особенности при штурмах лесистых холмов и в пересеченных местностях, в которых действует сейчас наш центральный фронт.

Есть еще одна общая черта, которая возникла в битве за Нормандию и к которой я хочу привлечь внимание Палаты. Враг не применил никаких новых типов танков, никакого нового вооружения. Он до сих пор не показал пока ничего нового в этом отношении, в то время как мы выдвинули танк «Шерман», вооруженный 17-фунтовой пушкой, новейший тип танка «Черчилль», новый танк «Кромвелль» и целый ряд крупнейших изобретений, о которых я еще не могу сообщить Парламенту, так как мы не знаем, имел ли враг возможность столкнуться с изобретениями и испытать их действие.

Когда он узнает о них, тогда можно будет об этом рассказать. Надо быть очень осторожным, разумеется, чтобы не раскрыть какого-либо секрета и тем самым не лишить каких-либо преимуществ наши войска или наших союзников.

Оставляя вопрос о вооружении, я хочу сделать нечто такое, чего ни разу не делал до сих пор, и я надеюсь, что Парламент не будет шокирован этим нарушением традиций. Я хочу публично воздать хвалу Военному министерству.

За все сорок лет, с тех пор как я работаю в Парламенте, я слышу постоянно, как ругают это учреждение до, во время и после всех наших различных войн, и, если память мне не изменяет, я часто принимал участие в этих вполне заслуженных критических выступлениях, которые приходились на долю этого учреждения.

Когда я виделся в прошлый раз с генералом Монгомери на полях сражений, он сказал мне слова, которые разрешил повторить, когда я найду это нужным. Он сказал: «Сомневаюсь, чтобы британское Военное министерство когда-либо посылало за море так хорошо оснащенную армию, как та, что сейчас сражается в Нормандии».

Я должен сказать, что считаю это утверждение вполне справедливым.

Пунктуально точная переброска и снабжение наших огромных армий на таких разнообразных театрах войны, высокое качество тренировки войск, плавность, с которой производится всякого рода переустройства, должное внимание, уделяемое вооружению во всех его формах, активность госпиталей, широкое участие офицеров в изобретении средств для военных перебросок через море и вообще весь стиль управления делами миллионов людей, действующих на родине и за границей, — все это внушает величайшее доверие к Военному министерству со всеми его бесчисленными отделами и огромным штабом военных и штатских работников. Все они достойны доверия, и больше всех — начальник Имперского генерального штаба замечательный командир маршал Брук, а также наш Военный министр.

Не только в Военном министерстве, но и во всех обслуживающих его департаментах все методы выполнения военной политики стоят, как мне кажется, в данный момент на таком высоком уровне, какого они никогда ранее не достигали, на уровне, который может быть выгодно сравнен с подобными организациями любой дружественной нам или враждебной страны.

Война — это трудная школа, но британцы, вступив в нее, оказались внимательными учениками. Все это вовсе не устраняет критику, в которой время от времени может ощущаться необходимость.

* * *

Я должен теперь вернуться к кампании, которую ведет генерал Александер в Италии. Несколько отличная от сегодняшней была обстановка, когда я говорил об этом в феврале.

Казалось, что наши армии расстроены и стиснуты в ущельях и пещерах Кассино; десантные силы под Анцио сражаются за свое существование, тяжелые потери, постоянные подкрепления, посылаемые противником; расслабляющее влияние затишья... Начались критические нападки со стороны ответственных деятелей, как это всегда бывает, когда нет успехов.

Однако сейчас обстановка изменилась благодаря серии чрезвычайно быстрых и блестящих маневров, которые в значительной мере основывались на нашем участии в боях, в преследовании противника по пятам, в тяжелых стычках с переменным успехом. Вся обстановка изменилась, и армия начала быстро продвигаться вперед. Она замкнула клещи вокруг Рима, оберегая город абсолютно от всякой опасности.

Армии генерала Александера быстро продвинулись вперед, преследуя противника, захватили 50—60 тысяч пленных и сейчас стоят перед

Флоренцией и заняли важные порты Ливорно и Анкона. Нам, конечно, пришлось продвигаться вверх по Апеннинскому полуострову, имея весьма неудовлетворительные линии подвоза, но благодаря господству на море, наличию портов и передвижению железнодорожных баз положение армии значительно укрепилось. Мы можем надеяться, что генерал Александер будет продолжать операции с величайшей энергией в течение всей осени.

Это — необыкновенная армия. Такой не бывало никогда. Это война Объединенных Наций. Бок-о-бок с английскими и американскими войсками сражается множество других. Среди них японцы — подданные Соединенных Штатов Америки, сражающиеся с большой отвагой, многие греки уже встали в строй и их войска начинают занимать свое место на полях сражений.

Есть южные африканцы, французы и поляки, успевшие уже отличиться в боях. И, конечно, важнейшую роль играют храбрые индийцы, а также и полные отваги канадцы.

Это совершенно необычайное объединение всех наций, идущее с боями вперед, для того чтобы очистить итальянскую землю.

Там находятся и итальянцы — достойные уважения итальянцы, — они хорошо дерутся, и мы стараемся увеличить их число.

Я должен сказать, касаясь этих различных кампаний во всем мире, что я умалчивал об одном важном участнике до этого момента, а именно о русской армии, которая сыграла главную роль и выматывает кишки из германской армии.

В воздухе, на океане и в морях мы можем сохранять наше положение, но не было в мире такой силы, разве что она была бы создана еще через несколько лет, которая могла бы сломить и сокрушить германскую армию и нанести ей такие колоссальные потери, как это сделали русские советские армии.

Я приветствую Маршала Сталина, этого великого вождя своей страны, и я твердо верю в то, что наш двадцатилетний договор с Россией окажется одним из наиболее длительных и прочных факторов в деле сохранения мира, порядка и прогресса в Европе.

Вполне может оказаться, что успехам русских в какой-то мере способствовала стратегия ефрейтора Гитлера. Даже безмозглые военные не могут не видеть некоторых недостатков кое-каких его действий.

Сейчас 10 дивизий Гитлера застряли в северной Финляндии, а 20—30 дивизий отрезаны в прибалтийских государствах, причем все они три или четыре месяца назад могли быть переброшены со всем материалом и вооружением, для того чтобы встать между Германией и наступающими русскими. Однако мы не должны сейчас указывать ему, как сделать это. Но уже слишком поздно сделать это сейчас. В целом, я думаю, что офицерам лучше всего подниматься по служебной лестнице узаконенным порядком.

Можно только бросить общий взгляд на мировую войну в момент, когда она приближается к концу своего пятого года и, возможно, подходит к своему заключительному этапу.

Я, разумеется, заканчиваю свой военный обзор здесь, дома, в прославленном и могучем Лондоне, который вместе с прилегающими графствами, в особенности с теми, которые находятся на пути полета бомб, подвергается почти непрерывной бомбардировке в течение семи недель. Последние цифры, имеющиеся в нашем распоряжении, показывают, что на нас было выпущено 5340 этих роботов и что во время налетов убито 4735 человек, 14000 человек получили более или менее тяжелые ране-

ния и многие легко ранены. Результатом является печальная история человеческих страданий и многочисленные разрушения в нашей стране со всеми обстоятельствами, порожденными потерей людьми всего их материального достояния.

Мы уверены в том, что наша оборона становится все более мощной. Мы усиливаем до предела наши контрнаступательные мероприятия. Терпение и мужество нашего народа в момент, когда в Лондоне он мог считать, что его испытания уже окончились, изумительны. Мы уверены, что народ будет продолжать держаться так до конца.

Я очень боюсь возбудить ложные надежды, но я уже не считаю себя обязанным отрицать, что победа, возможно, скоро наступит. Если нет, мы должны продолжать борьбу, пока она не придет. Это будет неуязвимой славой для всех мужественных, никогда не ослабевавших сердец. Работа всех организаций местной обороны и всех ее участников — мужчин и женщин — была образцовой.

Около 17 000 домов было совершенно разрушено и около 800 000 получили повреждения.

Можно судить об эффективности и масштабах мер, принятых заинтересованными министерствами труда, здравоохранения и государственных сооружений, и о мощи наших строительных и восстановительных ресурсов во всей стране, где нам на помощь пришло огромное количество добровольцев, по тому факту, что три четверти, то-есть свыше 600 000, домов сделаны уже по меньшей мере снова пригодными для жилья.

За последние две недели пропорция, в которой причиненный ущерб перекрыт восстановительными мерами, весьма значительно возросла.

Около миллиона человек, не несущих здесь военной службы, и 225 000 матерей с детьми получили моральную поддержку и помощь при эвакуации их из Лондона, и благодаря гостеприимству и отзывчивости людей, живущих в неохваченных войной районах, все они нашли приют и спокойствие.

Были исключения, но настолько незначительные, что их не стоит отмечать, если только не делать это с целью порицания.

Большое количество поездов особого назначения было выделено для вывоза этой огромной массы людей. Весьма показательно для характеристики воззрения населения то, что многие из этих поездов, включая зачастую и вспомогательные поезда, вернулись в Лондон такими же переполненными, какими ушли оттуда.

Поощряя смелость и дерзания, мы, разумеется, должны всячески противиться такому бессмысленному риску. Я упоминаю о нем только потому, что это наиболее ярко подтверждает живность фантастических немецких сообщений о том, что Лондон, якобы, находится в панике, охваченный днем и ночью завесой дыма и пламени.

Если немцы воображают, что продолжение нынешних атак, которые обходятся им очень дорого, будет иметь хотя бы самое слабое отражение на ходе войны или на решимости народа, или на моральном состоянии находящихся под обстрелом мужчин, женщин и детей, то они совершат еще один психологический промах, которыми они славятся уже в течение долгого времени.

Единственным результатом этой беспорядочной бомбардировки будет лишь большая суровость наказания, которую немцы понесут, после того как оружие будет выбито из их рук нашими бойцами.

Не может быть и речи о том, чтобы отвлечь наши силы от основной задачи ведения войны или допустить, чтобы эта неприятность в

какой бы то ни было степени ослабила энергичную поддержку нами союзников. Используются все людские силы, чтобы предотвратить и ослабить результаты этих бомбардировок.

Сотни наиболее опытных умов, которыми мы располагаем, поглощены этой проблемой, но я не гарантирую, что эта проблема будет полностью разрешена до тех пор, пока мы не захватим районы, из которых направляются эти самолеты-снаряды.

Весьма тщательно подготовлены, например, планы размещения артиллерии и складов оружия, но не всегда возможно точно предвидеть, какую форму примут налеты и как вообще пойдут дела.

Наряду с этими операциями пришлось совершенно по-новому распределить вооружение для охраны портов вторжения, из которых должны были выходить наши конвойные суда.

Мы ожидали, что по всей вероятности самолеты-снаряды полетят на нас, чтобы успокоить германский народ, тотчас же как мы высадимся. Но получился небольшой интервал, которого было достаточно, для того чтобы мы успели быстро изменить положение наших батарей. Это очень сложная задача, и я рад, что члены Парламента присутствовали на различных совещаниях, организованных Министром внутренних дел, и могли получить ответ на интересующие их вопросы.

Я не могу понять, как кто-либо может усмотреть в этом нарушение Конституции. Похоже на то, что могли бы возникнуть серьезные нарушения Конституции, если бы членам Палаты препятствовали обмениваться между собой мнениями.

Я думаю, что было бы большим несчастьем, если бы между министрами и другими членами Палаты образовалась некая пропасть на почве того, что они, якобы, являются избранными людьми в Парламенте и не должны смешиваться с толпой своих коллег. Полагаю, что я мог бы найти много аргументов, для того чтобы избавить нас от обвинений в нарушении Конституции.

Я говорил, что сотни наших лучших умов состязались в разрешении этой проблемы, но что я не могу гарантировать быстрое ее разрешение до тех пор, пока нами не заняты районы, откуда вылетают самолеты-снаряды, что несомненно мы сделаем раньше, чем неприятель пойдет на безоговорочную капитуляцию.

Но после занятия этих районов все будет в порядке.

Я еще 22 февраля предупреждал Палату о том, что Гитлер готовит новое средство нападения на нашу страну и, очень возможно, что новые попытки нападения будут сделаны с помощью ракетных снарядов дальнего действия, содержащих большое количество взрывчатых веществ и рассчитанных на то, чтобы производить значительно более тяжелые разрушения, чем самолеты-снаряды.

Можно ожидать, что Лондон будет первой мишенью, при обстреле которой обнаружится, по всей вероятности, несостоятельность ракетного оружия. Поэтому мы советуем всем группам населения, которым Правительство предоставляет возможность эвакуации, которых не удерживают здесь военные обязанности и которые могут позаботиться о собственной судьбе, постепенно и в организованном порядке покинуть столицу.

Ни в коей мере нельзя утверждать с уверенностью, что враг уже разрешил сложные технические проблемы, связанные с применением ракетных снарядов и, в частности, с прицельным их применением. Тем не менее я ни в малейшей степени не могу преуменьшать тяжесть ис-

пытаний, которым мы можем подвергнуться, и хочу только заявить, что нет таких испытаний, которых мы не смогли бы выдержать.

Это необходимо прибавить к тому, что я сказал.

Вес самолетов-снарядов, выпущенных на нашу страну с вечера 15 июня по вечер 31 июля, равняется примерно 4 500 тоннам. За этот же самый период Объединенные воздушные силы сбросили на Германию около 48 000 тонн авиабомб с сильными взрывчатыми веществами.

Разумеется, мы стараемся сбросить их на военные объекты, но может случиться, что кое-где они являются причиной человеческих жертв, между тем как оружие врага не имеет иной цели, как беспорядочное истребление гражданского населения.

* * *

Я приближаюсь не без некоторой вполне понятной тревоги к деликатной теме — к вопросу об иностранных делах. Я все еще придерживаюсь той точки зрения, которую я высказал в прошлый раз, а именно, что война, вступив в свою последнюю фазу, становится и будет становиться все менее и менее идеологической.

Некоторое смятение умов вызвано было смешением понятий идеологии и идеализма, в то время как между этими двумя понятиями существует весьма ощутимое различие.

Я ценю идеализм как свет, освещающий мысли и надежды людей и побуждающий их к добрым делам, в то время как идеология слишком часто проявляется в форме неправильной организации идей и зачастую может оказаться несовместимой со свободой.

Я радовался, видя поражение фашистской идеологии и предвидя полнейшее искоренение ее в Италии. Я радуюсь предположению, становящемуся теперь реальным и несомненным, что нацистская идеология, возмутительным образом навязанная огромному населению, будет теперь уничтожена до конца.

Те факты и проявления, с которыми мне приходится постоянно встречаться теперь, когда война приближается к своему концу, укрепляют во мне твердую уверенность в том, что, когда она будет выиграна, когда ненавистные агрессивные нацистские и фашистские системы будут уничтожены и будут приняты все меры предосторожности против их возможного возрождения в будущем, возникнет новое братство между людьми, основанное не на грубом антагонизме идеологий, а на общих для всех, простых человеческих идеалах мира, справедливости и свободы.

Поэтому я радуюсь тому, что война становится уже не идеологической войной между соперничающими системами, а такой войной, в результате которой могут возникнуть общие высокие идеалы и значительные материальные выгоды для огромных масс народа во многих, а в конечном счете и во всех странах мира.

С тех пор как я в последний раз говорил в Палате об общем положении, в различных областях его произошли значительные улучшения. Иностранные дела в огромной мере зависят от сдвигов в ходе войны. Успехи, которые я перечислял, создали более благоприятные условия для всех наших дел вообще.

Одним из величайших успехов является весьма значительное улучшение во взаимоотношениях с французским Национальным Комитетом, возглавляемым генералом де Голлем, а также с Правительством Соединенных Штатов. Это возникло отчасти в результате тщательной подго-

товительной работы, проведенной здесь г-ном Иденом, а также в результате весьма успешного посещения генералом де Голлем Президента Соединенных Штатов.

За последние четыре года у меня было много разногласий с генералом де Голлем, но я никогда не забывал и никогда не забуду того, что он выдвинулся как первый славный француз, встретивший лицом к лицу общего врага в тот час, который, как в то время казалось, был часом гибели его родины и возможной гибели нашей страны. Мне кажется, что будет вполне уместным и справедливым, если он встанет во главе Франции в дни, когда она будет снова возрождена и возродится сама, чтобы занять принадлежащее ей по праву место в ряду великих держав Европы.

В течение сорока лет я был постоянным другом Франции и ее храброй армии. Всю жизнь я был благодарен Франции за тот вклад, который она внесла в область культуры и славы и, что самое главное, в чувство личной свободы и прав человека. Все это излучала душа Франции.

Это не сентиментальность и не субъективное чувство. Одной из главных целей Британии является возрождение дружественной Франции и то, чтобы она заняла присущее ей место среди величайших держав Европы и всего мира. Укажите мне момент, когда я отклонился от этой концепции, и я скажу, что это был момент, когда я ошибался, один из многих моментов, когда я ошибался.

Франция потерпела поражение после нескольких недель агонии, и после этого она была лишена права выражать свой протест и почти лишена права на существование вообще, но душа Франции не умерла. Она горела временами с исключительной яркостью, горела на огромных пространствах затуманенным, но неугасимым огнем.

Наша высадка в Нормандии, ход войны, все развитие событий показывают вполне ясно, что в настоящее время нам снова придется иметь дело с проблемами Франции и Германии на Рейне, и из этой дискуссии Франция не может быть ни в коем случае исключена. Я надеюсь на самое тесное сотрудничество Британской Империи, Соединенных Штатов и русских и французских представителей при урегулировании этих важных европейских проблем.

Мы представляем собою союз объединенных миролюбивых наций, который был вынужден взяться за оружие в защиту своих основных прав, и в час победы мы не должны упустить возможности заключить соглашения, необходимые для того, чтобы обеспечить мир, которого мы добьемся столь дорогой ценой.

Я отдаю должную дань Палате за ту мудрую сдержанность, которую она проявила, уклонившись несколько недель назад от дебатов по вопросу о британских, французских и американских взаимоотношениях. Тот факт, что Палата, которая, по существу говоря, является вполне правомочной в этих вопросах, сознательно отклонила дискуссию по вопросу, возбуждавшему такой горячий интерес, был огромной помощью г-ну Идену в проведении его политики в области иностранных дел.

Каждый должен помнить необычайную сложность, с которой сталкивается внешняя политика нашего острова в рамках мировой коалиции, членом которой мы являемся. Прежде всего нам необходимо учитывать пожелания доминионов и консультироваться с ними. Затем существуют три великие державы. Мы имеем двух доблестных и испытанных союзников, которые крупнее и в некоторых отношениях мощнее, чем мы. Все мы в основном и по существу стремимся к одному и тому

же. Однако повседневное достижение согласия по вопросам тактики и деталей представляет собой по необходимости сложное дело.

Здесь мы снова вступаем в область тройственной дипломатии, когда всем нам приходится сноситься друг с другом по телеграфу, когда двое согласны, а третий желает внести свои поправки, или когда все согласны, то вопрос может утратить свою актуальность. Как же могло бы быть иначе, если существует так много различных углов зрения и особенностей исторического и национального порядка, которые нужно учитывать при подходе к этим вопросам.

Я уже говорил раньше, что если бы главы трех Правительств могли встречаться по одному разу в месяц, то между нами не было бы никаких проблем, которые нельзя было бы быстро и, как я верю, разумно разрешить.

Географические и транспортные затруднения являются помехой для таких постоянных встреч и переписки, хотя, честно говоря, ничто не может заменить встреч вокруг «маленького стола».

Три главных союзника изо дня в день имеют дело со всякого рода жгучими разногласиями, возникающими в восьми или десяти покоренных, оккупированных или нейтральных государствах, в двух или трех из которых, того и гляди, вспыхнет или уже вспыхнула настоящая гражданская война.

Когда я подытоживаю все трудности, с которыми приходится сталкиваться для того, чтобы довести дело до общего согласия, то я полагаю, что Правительства США, Англии, Советской России справляются довольно неплохо. Однако во взаимоотношениях между великими державами необходимы большое терпение и неуклонное стремление понять точку зрения друг друга. Палата Общин может помочь всем им, заняв широкую и терпимую точку зрения.

По моему мнению, сейчас наступил благоприятный момент для Польши, за чьи права и независимость мы вступили в войну с Германией. Поэтому мы сделали все, что могли, г-н Иден и я, поздно ночью вместе с другими подготавливая поездку Миколайчика (премьер-министра Польши) и других членов его кабинета в Москву, где Маршал Сталин готов принять их.

Президент Соединенных Штатов также отнесся к этому вопросу весьма благосклонно, да и как могло быть иначе, если принять во внимание его глубокий интерес к польскому вопросу.

Русские армии стоят сейчас у ворот Варшавы. Они несут освобождение Польше. Они предлагают полякам свободу, суверенитет и независимость. Они хотят существования Польши, дружественной в отношении России. Это кажется мне весьма разумным. Вполне понятно, что русские хотят иметь дружественную Польшу, принимая во внимание ущерб, причиненный России Германией, прошедшей через Польшу для того, чтобы напасть на нее.

Объединенные Нации готовы приветствовать объединение или слияние всех польских вооруженных сил — тех, что действуют совместно с западными державами, и тех, что находятся в СССР.

У нас есть несколько храбрых польских дивизий, сражающихся на западе, другие дерутся в России. Пусть они объединятся, мы желаем этого. Было бы чудесно, если бы основание этому было положено в момент, когда знаменитая столица Польши, которая так смело защищалась против германского вторжения, освобождается благодаря отваге русских армий.

Положение в Югославии значительно улучшилось с тех пор, как

я затрагивал эту тему в Палате. Законный король Югославии, который по нашему совету обратился к нам в своем горе, сплотил вокруг себя правительство, которое находится в дружественном контакте с маршалом Тито.

Представители боевых вождей партизанского движения заняли свои места в этом новом правительстве и здесь находится генерал Велебит, великолепный и законченный солдат и мыслитель, который связан и с королевским правительством и с войсками, предводительствуемыми маршалом Тито.

Мы здесь работаем для единства и как всюду и везде преследуем одну цель, а именно, сплочение воедино всех объединенных сил Югославии — сербов, хорватов, словен — и очищение их земли от подлых германских захватчиков.

Это объединение и это изгнание имеют все шансы совершиться весьма скоро, в чем я могу заверить Палату.

* * *

Секретарь Министерства иностранных дел сделал на прошлой неделе доклад в Палате по вопросу о Греции, доклад, который получил полную санкцию Военного Кабинета и указывает на ту линию, которой мы придерживаемся. За эту линию мы будем драться. Под словом «драться» я разумею аргументировать, а если будет нужно, то и голосовать.

В восточной части Средиземноморского бассейна нам выпало на долю управлять событиями. Мы потеряли в Греции около 30 000 человек. У нас неразрывные связи с этой страной. Мы постоянно информируем двух наших великих союзников обо всем, что мы делаем, и мы прилагаем все усилия, в основном не безуспешно, к тому, чтобы повести наших союзников за собой. Мерилом нашего успеха, мне кажется, является наше руководство событиями за последнее время. Греческий флот снова находится в море. Греческая бригада скоро займет свое место на линии фронта в Италии. Греческие воздушные эскадрильи также выполняют полезную работу.

В правительстве Папандреу широко представлены все основные силы Греции, и эта новая фигура, вышедшая на арену, во многих отношениях напоминает прославленную своей силой и смелостью личностью великого Венизелоса, сын которого тоже связан с греческим правительством.

Мне кажется, что Румыния должна в первую голову установить свои взаимоотношения с Россией, на которую она так вероломно напала и на милость которой она вскоре вынуждена будет сдаться. Россия предложила Румынии великодушные условия, и они, несомненно, были бы с благодарностью приняты румынским народом, если бы румынские вожди не чувствовали на своей груди и затылке дуло прусского автомата.

То же самое относится и к Болгарии, трижды втянутой в войну в качестве союзника неправой стороны жалкой кучкой уголовных политиканов, которые, повидимому, поколение за поколением, неумоимо работают на разорение своей страны.

Трижды в моей жизни эта разоренная Болгария подвергала свое население тяготам и мукам войны и каре поражения. Для нее тоже еще не миновали сроки раскаяния, но скоро они минуют. Вся Европа неудержимо стремится к установлению новых и прочных основ мира.

Каково будет место Болгарии на судилище, когда жалкая и коварная роль, которую она сыграла в этой войне, будет разоблачена и когда югославский и греческий народы через своих представителей развернут на столе мира Объединенных Наций трагический список деяний, которые болгарская армия вела в их странах в качестве жестокого лакея павшей нацистской державы?

На Средиземноморском театре военных действий мы недавно с удовлетворением приветствовали в качестве наших друзей по оружию прекрасно экипированный экспедиционный корпус Бразилии. И сейчас ожидается прибытие новых легионов из этой большой страны, которая в течение долгого времени оказывала союзникам ценные военные услуги как в воздухе, так и на море.

Как англичанин я, может быть, заслуживаю снисхождения за то, что в такой момент думаю о другой большой южно-американской стране, с которой мы были связаны тесными узами дружбы и взаимного интереса с момента ее возникновения как свободной и независимой державы. Я имею в виду Аргентину.

Все мы испытываем глубокое сожаление, а также и тревогу, как друзья Аргентины, видя, что в этот момент, являющийся пробным камнем для наций, она оказалась неподготовленной к тому, чтобы чистосердечно и бесповоротно, без оговорок и ограничений заявить, что она будет бороться на стороне свободы, а выбрала союз со злом, и не только со злом, но и с проигрывающей стороной.

Нации надо судить по той роли, которую они играют. Не только воюющие стороны, но и нейтралы увидят, что на их положение в мире не сможет не повлиять та роль, которую они играли в момент военного кризиса.

Когда я выступал в последний раз, я сделал несколько замечаний по поводу Турции, которые Палата, может быть, помнит. Я отношусь к туркам с большим уважением, и в британской армии существует военная традиция симпатии и союза с ними.

Во время последней войны они были направлены против нас проистеками горсточки людей и фактом появления одного военного корабля. Мы не должны забывать, что Турция заявила о своем союзе с нами в настоящей войне в то время, когда наше вооружение было слабым, а наша политика — мирной.

Я посетил Турцию в феврале прошлого года и имел длительную беседу с президентом Иненю и его премьер-министром Сараджоглу. Впоследствии мы беседовали с ним после Тегерана, встретившись вблизи пирамид. Я хорошо осведомлен о затруднениях Турции.

Когда война началась, она чувствовала себя сильной военной державой. Она полагалась на свою отважную армию, на свои несравненные кавалерию и пехоту.

Она чувствовала себя сильной военной державой и очень решительно придерживалась своих добрых намерений в отношении Англии и Франции.

Теперь появились совершенно новые виды оружия — самолеты, танки, самоходная артиллерия, механизация различных форм, которые изменили относительную мощность вооружения и казались единственными средствами, с помощью которых можно достигнуть победы. Турецкая армия далеко не была современной, она осталась в значительной мере такой же, какой вышла из последней войны. Я отлично понимаю то чувство военной осторожности, которое ослабило активность Турции в момент,

когда все эти новые факты неожиданно возникли перед нею в начале больших сражений.

Но впоследствии все эти недостатки в значительной мере были исправлены.

Германские силы падают под мощным цепом союзных держав, и, учитывая тот вклад, который мы и Соединенные Штаты вносим в Италию и Францию, учитывая продвижение России в бассейне Черного моря, я чувствую, что турки еще никогда за время этой войны не находились в таком устойчивом положении, как сейчас.

Они не станут подвергать себя опасности, от которой они не убежали бы себя, выступив на стороне своих друзей.

Я имею полномочия от Турецкого правительства заявить здесь сегодня, что на основе англо-турецкого союза Турция порвала всякие отношения с Германией.

Этот акт вливает новые жизненные силы в союз, который мы заключили с Турцией перед войной. Никто не может сказать, нападет ли Германия или Болгария на Турцию.

Если это случится, мы будем на ее стороне и соответствующим образом встретим германскую угрозу.

Никто не может рассчитывать вступить в это столкновение без ущерба для себя. Турецкие города могут подвергнуться бомбардировке, подобно той, которую мы уже пережили. Г-н фон Папен может быть отослан обратно в Германию и получить там кровавую баню, которой он едва избежал от руки Гитлера в 1934 году. Меня это не касается.

Политика Мустафы Кемаля была направлена к тому, чтобы добиться тесного единства между русским и турецким народами. Я надеюсь, что этот новый шаг должен будет привести к продолжению дружбы между Россией и Турцией.

(Сэр Хью О'Нил, консерватор, спрашивает: «Значит ли это, что Турция решительно вступила в войну на нашей стороне?»)

Вы, конечно, хорошо знаете, что существует разница между разрывом сношений с какой-либо державой и объявлением ей войны. Я не берусь предсказать, что может сделать другая держава.

* * *

В настоящее время речь каждого выдающегося политического деятеля в любой из побеждающих стран неминуемо сопровождается развернутым прогнозом по поводу будущей организации мира.

Меня сурово упрекали за последнее время в том, что я не занимался систематически этой важнейшей проблемой. Одно из моих затруднений состоит в том, что не от меня зависит предписывать законы всем нашим союзникам. Если бы все этого захотели, я мог бы предложить некоторые свои соображения.

Но, как ни странно это выглядит, государства, подобные Соединенным Штатам Америки и Советской России, могут пожелать иметь собственное суждение об этих вопросах, и они могут выразить это не совсем так и не в тех самых словах, которые вызвали бы бурные аплодисменты в этой Палате. Я очень сожалею об этом. Ничто не доставило бы мне большего удовольствия, чем возможность посвятить несколько часов изложению перед Палатой моих личных идей по поводу общего проекта.

Но было бы очень затруднительно для всех нас, если бы я начал трактовать эту тему здесь и вступил бы в противоречия с нашими многочисленными союзниками.

Время от времени самые видные люди делают многочисленные красноречивые заявления относительно будущей организации мира. Я лично предпочел бы выслушать мнения других великих наций, прежде чем взять на долю нашей страны разработку слишком многих деталей.

Разве мы не можем удовлетвориться общими заявлениями, с которыми мы все согласны, заявлениями о том, что необходим Международный совет для сохранения мира, который будет создан и руководим в первую очередь ведущими державами, выигравшими войну, и что впоследствии другим державам, а затем и всем державам будет предложено участие в этой мировой организации?

Разве мы не можем удовлетвориться этим и сосредоточить наши усилия на борьбе за победу и вести себя таким достойным образом во время войны, чтобы с нашими словами считались по заслугам, когда мы придем к организации мира?

Палате должно быть известно о том, что в Вашингтоне в ближайшее время начнутся важные переговоры. Когда они закончатся, мы все гораздо лучше будем представлять себе свое положение.

Как я уже сказал, тщетно и бесполезно для одной страны пытаться установить законы в этом вопросе, пытаться провести границы или определять орудия, при помощи которых эти границы будут сохраняться без дальнейшего кровопролития. Это бесполезно и даже неумно.

Рассказывают о человеке, который продавал шкуру еще неубитого медведя, а потом сам был убит, когда стал охотиться за ним. Столь горделивые когда-то немцы не только отбрасываются сейчас назад на всех фронтах многочисленными народами, которые когда-то искали сближения с ними, но и у себя дома, в Германии, они ждут ужасающих событий, которые могут потрясти до основания доверие народа и лояльность армии.

Виднейшие деятели германского государства убивают или пытаются убивать друг друга, в то время как наступающие армии союзников смыкаются вокруг этого обреченного государства.

Мы никогда не основывались в наших расчетах на силу нашего врага, а только на правоту нашей стороны, как бы обширны ни были эти проявления внутреннего беспорядка, какими бы даже решающими ни оказались они когда-нибудь. Не на них мы будем строить свои планы, а лишь на собственной сильной руке, на справедливости нашего союза.

Так будем же продолжать сражаться на каждом фронте, бросать в бой каждого человека, которого можно будет найти, вооружать и снабжать армию самым щедрым образом, не слушать никаких вражеских предложений, соревноваться с нашими храбрыми союзниками в усилении борьбы, переносить с негибимым мужеством все беды, все удары, которые могут нам выпасть, править сквозь бурю, которая достигла сегодня своего величайшего напряжения, с таким же единством цели и непреклонностью решения, какие мы показали миру, когда были одни.

Редактор: Пресс-атташе Великобританского Посольства в Москве

Отпечатано в 3-й типографии «Красный пролетарий» треста «Полиграфкинг»
Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.

2316/01

